

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-279-301
УДК 81'27

Научная статья / Research article

Интегрирующая роль концепции языковой личности в построении теории языка

И.В. Шапошникова

Институт филологии Сибирского отделения РАН
8630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
i.shaposhnickowa@yandex.ru

Аннотация. Исследуется вопрос о методологической значимости разработанной Ю.Н. Карауловым концепции языковой личности (ЯЛ) при построении теории языка и экспликации русской ЯЛ на экспериментально полученной модели ассоциативно-вербальной сети (АВС) в конце прошлого века. Как видоспецифичная универсалия человека ЯЛ может изучаться междисциплинарно при синтезе новейших фактологических и методологических достижений разных наук о человеке. Концепция ЯЛ интегрирует в теоретическую модель все подлежащие междисциплинарному рассмотрению аспекты функционирования языка, выделенные ранее Ю.Н. Карауловым: системно-структурный, историко-культурный, психологический, социо-коммуникативный, чем создает условия для комплементарного использования господствующей системно-структурной модели описания языка как внешнего объекта и актуальной модели языка внутри человека. Разные аспекты человекообразования связываются в ряде наук о человеке с сетевыми подходами к их изучению; Ю.Н. Караулов доказал, что ЯЛ эксплицируется в конкретном национально-культурном варианте на модели ассоциативно-вербальной сети (АВС). Это позволяет автору статьи обратиться к разработанному в антропологии понятию интенциональной личности, экстраполируя интенциональность на РЯЛ как установочно-смыслоорганизующий фактор в диалоге носителей смыслового поля одной культуры, где фиксируются установки, проецирующие системность в АВС. В отличие от других сетевых моделей, АВС отражает спонтанно сложившиеся в ходе социализации доминантные социо-коммуникативные установки ЯЛ испытуемых. Утверждается положение о смысловых акцентуациях как единицах анализа РЯЛ, представленных флуктуациями устойчивости ассоциативных доминант на макро- и микроструктуре АВС; наблюдаемые в ней эмпирические факты предлагается расценивать как исходные для построения гипотез о психодинамических процессах при изменчивости социо-коммуникативной среды. Флуктуации устойчивости ассоциативных доминант на рубеже веков показаны на статистике параметров РЯЛ в сети новейшей Русской региональной ассоциативной базы данных СИБАС1 [2008—2013] и СИБАС2 [2014—2020] при сопоставлении с Русским ассоциативным тезаурусом (РАС), полученным российскими психолингвистами в годы перестройки [1988—1997] при активном участии Ю.Н. Караулова.

Ключевые слова: универсалия человека, концепция русской языковой личности, системность и интенциональность, смысловые акцентуации, ассоциативные доминанты, интеграция наук о человеке, построение теории языка

© Шапошникова И.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 25.01.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

Для цитирования:

Шапошникова И.В. Интегрирующая роль концепции языковой личности в построении теории языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 279—301. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-279-301

UDK 81'27

Integrating Role of the Conception of Language Personality in the Development of the Theory of Language

Irina V. Shaposhnikova

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
8, St. Nikolayeva, Novosibirsk, Russian Federation, 630090
i.shaposhnickowa@yandex.ru

Abstract. The article discusses the psycholinguistic explication of the phenomenon of the *Russian language personality* (RLP) on the experimentally obtained *associative-verbal-network* (AVN) model at the end of the XXth century and the methodological contribution of the RLP conception, proposed by Yu.N. Karaulov, to the development of a general theory of language. As a human-species-specific universal, LP can be studied within an interdisciplinary approach which suggests a *complementary synthesis* of the latest methodological and factological achievements in different branches of human sciences. All the facets of language functioning (systemic-structural, historical-cultural, psychological, and socio-communicative), that were highlighted earlier by Yu.N. Karaulov, are subject of interdisciplinary consideration, integrated within the conception of LP. Thus, conditions are created for a complementary use of the structural theory of language (whereby the *language* is viewed as *an external object*) and a current theory of *language within a person*. Network approaches, widely used in a number of human sciences, help to identify different aspects of human formation. Yu.N. Karaulov proved that LP can be explicated only as *a culturally-specific* variety on the AVN model. This allows the author of the article to refer to the notion of *intentional personality*, that has been proposed by ethnologists and cultural anthropologists for their studies of the motivational aspects in socio-communicative interactions within a single cultural community. The author finds it appropriate to extrapolate the concept *intentionality* to the LP as a sense-generating and sense-organizing entity setting more-or-less flexible systematic stability to the person's internal image of the world and projecting this, often illogically organized, systematicity to the AVN. The advantages of using AVN model, in contrast to other network approaches, consist in its being capable to reflect the *dominant socio-communicative attitudes* which developed spontaneously by a natural order of emergence as the result of socialization of the studied community members. The author proceeds from an assumption about *semantic accentuations* of the LP as the units of analysis which are represented by *fluctuations of associative dominants* at the macrostructure and microlevels of the AVN; the empirical findings collected in the AVN may be regarded as initial data encouraging investigators to build hypotheses about the psychodynamic processes reflecting variability in socio-communicative environment. The range of fluctuations of the associative dominants at the turn of the century is shown as the statistic dimensions of the RLP in the network from the newest Russian regional associative database СИБАС1 [2008—2013] and СИБАС2 [2014—2020] in comparison with the Russian associative thesaurus (RAS) previously

obtained by Russian psycholinguists, with Yu.N. Karaulov's active participation, in the years of perestroika [1988—1997].

Keywords: human-species-specific universals, the conception of the Russian language personality, systematicity and intentionality, semantic accentuations, associative dominants, integration of human sciences, construction of a general theory of language

Article history:

Received: 25.01.2021

Accepted: 15.02.2021

For citation:

Shaposhnikova, I.V. (2021). Integrating Role of the Conception of Language Personality in the Development of the Theory of Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 279—301. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-279-301

Введение

Концепция языковой личности Ю.Н. Караулова занимает центральное место в его научном наследии. Системное теоретическое описание РЯЛ и экспликация этого феномена в ассоциативном тезаурусе русского языка (эксперимент 1988—1997 гг.) [1] создали условия для дальнейшего развития междисциплинарных исследований в лингвистике в связи с новыми потребностями общества. Осмысляя концепцию ЯЛ, следует отметить общий, характерный для насыщенного бурными событиями конца XX века когнитивный контекст основных вызовов эпохи, на которые науке нового столетия (в особенности психологии) предстояло дать ответы. А.Г. Асмолов определяет их как «вызовы неопределенности, сложности и разнообразия» [2. С. 13]. Д.А. Леонтьев называет *неопределенность центральной проблемой психологии личности* [3. С. 40], смещающей акцент на *психодинамику* как область исследования и принцип саморегуляции живой системы. В его основе лежит тезис «о том, что протекающий в настоящем процесс активности живого организма или сложной целеустремленной системы определяется не устойчивыми априорными характеристиками, а актуальным взаимодействием с миром, управляемым обратными связями; *устойчивые структуры, напротив, порождаются и закрепляются в этом взаимодействии как его продукт*» [4. С. 302] (курсив наш — *И.Ш.*). Общая, как нам думается, для психологии и лингвистики концентрация на функционально-смысловом, психокогнитивном содержании личности как саморегулирующемся динамическом смысловом поле с учетом ее включенности в смысловое поле культуры и будет в центре внимания нашего исследования. ЯЛ как доступный для разнообразного изучения объект актуален и для общей психологии личности, поскольку в нем воплощается видоспецифичная универсалия человека. Исследование факторов целостности и изменчивости феномена ЯЛ может стать одним из источников информации для понимания степени свободы и предопределенности в саморегуляции и самоорганизации

человека, поскольку, с одной стороны, ЯЛ индивида сама является продуктом взаимодействия его двух сигнальных систем, с другой стороны, физиологи убедительно свидетельствуют в пользу «ведущей роли вербально-смысловых структур мозга в организации процессов сознательной произвольной деятельности человека» [5. С. 111]¹.

Языковая личность — видоспецифичная универсалия человека

В качестве универсалии ЯЛ исследуется и познается в разных системах координат, как и все изменчивые объекты. Для ее адекватного изучения требуются соответствующие методологические приемы, учитывающие смыслопорождающую природу объекта, способные строить и изучать отражающие его динамику модели. Такие модели неизбежно обращаются ко всему комплексу фундаментальных вопросов изучения видоспецифичной для Homo Sapiens организации его психики — сознания. Как *смыслопорождающий* объект ЯЛ способна создавать знаковые системы, единицы которых соотносимы с чем-то, что находится вне их самих; оперируя этими системами (с *ограниченным* набором единиц), взаимодействуя друг с другом, ЯЛ могут *бесконечно* создавать, насыщать разнообразными смыслами и передавать через научение и подражание (коммуникативно-когнитивную деятельность) смысловое поле культуры, с помощью которого человеческие сообщества *регулируют* свои внутренние отношения и отношения с внешним миром. Деятельность человека *осмыслена, активна* и отличается *направленностью* на объекты внешнего мира, круг которых с развитием цивилизации постоянно расширяется, включая уже не только конструирование содержания сознания себе подобных, но даже и их генетический код.

У младенца *языковая способность* формируется при определенных условиях и в соответствии с *общими, эволюционно обретенными закономерностями*. Эта универсалия воплощается только в специфической форме в зависимости от интериоризируемой ребенком, родной для него культуры и поэтому *формирование языковой личности в онтогенезе отвечает специфическим закономерностям*, связанным с комплексом факторов *в системе конкретной культуры*. Такова и русская языковая личность как *универсалия мира русского языка и культуры*².

¹ Ср. сформулированный Е.И. Бойко «универсальный для организации целенаправленного поведения человека принцип второсигнального управления афферентацией... сложная афферентация, необходимая для осуществления целенаправленных актов поведения, является не только (и даже не столько) результатом стихийных внешних воздействий, но результатом их взаимодействия со структурами второй сигнальной системы, которая регулирует, контролирует и в известном смысле организует потоки возбуждения, складывающиеся в проекциях непосредственных первосигнальных раздражителей» [5. С. 26].

² Ср. приведенный Н.И. Чуприковой нейробиологический постулат о совершенствовании интегративной деятельности мозга по мере возрастного развития и обучения, не оставляющий

Как универсалия в узком смысле слова, функциональный продукт обретенной человеком эволюционно в филогенезе речевой способности, ЯЛ познается в нескольких логических системах координат: с опорой на методологию и фактологию генетики, эволюционной биологии, психологии, антропологии, нейрокогнитивных наук и иных отраслей, занимающихся вопросами филогенеза. Как универсалия в расширенном (историко-культурном и психокогнитивном) смысле в рамках смыслового поля конкретной культуры она подчиняется закономерностям иного порядка, которые познаются в более приземленном, содержательно-смысловом ракурсе. Но они тоже многомерны и при их интерпретации требуется обращение к разным системам координат. Особое место в практике изучения ЯЛ следует отвести сетевым подходам, которые широко используются в разных науках, в том числе и в науках о человеке (см. сноску 2 выше).

Язык как объект междисциплинарного исследования

В каком отношении с существующими теоретическими моделями описания языка находится концепция ЯЛ? Психолингвисты давно обратили внимание на тот факт, что ученые оперируют, как минимум, двумя разными ракурсами рассмотрения своего объекта, называя термином *язык* такие разные сущности как *речевая организация человека*, его *речевая деятельность*, *языковой материал* (тексты, «первичный продукт» в терминах А.А. Залевской) и собственно *систему языка* (точнее, ее «*логико-рациональную описательную модель*»). Первые три, в теоретической интерпретации А.А. Залевской, представляют собой *достояние носителя языка и культуры*, естественно протекающие процессы, а четвертая — «вторичный», но часто трактуемый как самодостаточная система, продукт рефлексии ученого (см. схемы у [6. С. 260—261], в которых раскрываются оппозиции, эксплицирующие эти две ипостаси теории языка). Названное противоречие осознается многими учеными и побуждает некоторых из них к разработке интегрирующих подходов (см., например, критический обзор [7. С. 680 — 767]). Так, А.А. Залевская последовательно развивает «интегративную теорию языка как достояния

сомнения в том, «что характеристики процессов интегративной деятельности мозга человека не могут быть свободны от влияния культуры в широком смысле слова. Наоборот, это влияние должно быть достаточно велико и должно сказываться на всех показателях интегративной деятельности. ...любой нейрон ЦНС так или иначе, через большее или меньшее число промежуточных нейронов, морфологически связан с каждым другим нейроном. Однако из всего этого неисчислимого множества преобладающих связей только небольшая часть становится актуально работающей в результате опыта и научения. ...под влиянием совместного действия воспринимаемых раздражителей, текущей поведенческой активности и подкрепления изменяются функциональные свойства задействованных нейронов и это приводит к переводу потенциальных преобладающих морфологических связей в актуальные, к формированию специфических актуальных нейронных констелляций, которые составляют субстрат опыта и научения» [5. С. 314].

человека», способную учесть «неразрывную взаимосвязь между телом, сознанием и культурой» [6. С. 488]. Л.Г. Зубкова рассматривает идею о том, что «Подлинно системное целостное знание о сущности языка достижимо лишь исходя из триединства мира, человека и языка, из единства разносторонних связей и свойств человека» [8. С. 29]. Вслед за Г.П. Мельниковым она делит лингвистические теории на часто отрицающие друг друга и противоречащие друг другу аспектирующие концепции и синтезирующие, позволяющие перейти к рассмотрению «*сущности языка как органического целого*» [8. С. 29]. К аспектирующим автор относит и господствовавшую в прошлом веке концепцию языка как структурно организованной системы. Как и для всех других аспектирующих концепций прошлого, для нее характерно «*непонимание триединства мира, человека и языка, метафизическое противопоставление природного и социального, физического и психического, индивидуального и общественного в языке и его носителе — человеке*» [8. С. 30]. Эти мысли Л.Г. Зубковой перекликаются с взятыми за основу концепции ЯЛ положениями Ю.Н. Караулова о достижении с ее помощью «определенного баланса в соотношении фундаментальных свойств языка друг с другом» [9. С. 8]. Речь о таких свойствах языка (названных им «парадигмальными устоями» лингвистики), как: «его исторический характер, социальная природа, системно-знаковое устройство и психическая сущность» [9. С. 8].

Нам представляется необходимым в рамках такой дискуссии обратиться к оппозиции внутреннего и внешнего. Последняя предполагает при построении теории языка возможность учета обоих ракурсов его рассмотрения. Первый ракурс основан на построении модели языка по аналогии с объектами естественных наук: *язык как внешний объект*. Будучи таковым, он допускает рассмотрение в качестве имеющего свои границы физического объекта, в котором усматривается структурно организованная субстанция, функционирующая как сложная знаковая система, адаптированная под коммуникативно-когнитивные потребности человека. Системность языка по законам логической интерпретации выявляется через анализ явлений, которым предписывается статус закономерных на основе наблюдения за первичными продуктами использования языка — текстами, дискурсом, за тем, как другие люди пользуются языком. Система строится из имеющих рационально-логически обоснованную поуровневую и типологическую строевую специфику единиц, абстрагированных от многообразия своих доступных непосредственному эмпирическому наблюдению материальных воплощений в текстах. В такой модели язык *воплощается преимущественно в качестве линейных структур*.

Второй ракурс оперирует моделью *языка как внутреннего объекта* (идея о языке в человеке пронизывает все работы Ю.Н. Караулова). Его материальная психофизиологическая и психокогнитивная основа, имеет *телесную воплощенность*. Единицы выявляются через многомерные связи, они не могут порождаться вне чувственной ткани носителя языка и функционируют при взаимодействии его сигнальных систем. Свойства языка в таком

ракурсе рассмотрения познаются в настоящее время преимущественно на *сетевой модели*. Ее *системная* организация детерминирована *языковой личностью* на *смысловой* основе. Исследования на такого рода моделях особенно активировались в связи с развитием программ создания искусственного интеллекта (ИИ).

Таким образом, через призму оппозиции внутреннего и внешнего выстраиваются две модели, которые развиваются на разном материальном субстрате, используют разные группы методов, исходящие из различий целеполагания, имеют эвристический потенциал разной направленности на решение разных задач и потребностей общества в научных знаниях. Их объединяет *онтологический статус* общего объекта — языка в широком смысле, во всех аспектах его воплощения, но разъединяют *гносеологические* (методологические) ракурсы рассмотрения объекта. *Концепция ЯЛ* обладает *интегрирующей* силой по отношению к обеим моделям, поскольку ЯЛ может изучаться в разных гносеологических координатах: и на линейных структурах, и в многовекторном сетевом пространстве с телесной воплощенностью мультимодальности и многомерности наполняющего знак содержания.

Интегрирующий статус концепции ЯЛ внушает надежду на то, что она обладает эвристическим потенциалом в исследовании фундаментальных проблем, имеющих только междисциплинарное решение на новом витке развития науки. Одна из них: соотношение Языка и Сознания (Мышления) — центральная для построения теории языка, претендующей на объяснительную силу в поле пересечения интересов разных наук. Эта более общая проблема проявляет себя в соотношении *языковой модели мира* (ЯММ) и *концептуальной* (КММ), она тесно связана с различными способами упорядочения лексики в лингвистике при решении прикладных задач. Какая бы методика упорядочения лексики ни применялась разными отраслями междисциплинарной лингвистики (формализация языка в компьютерных разработках, лексико-статистические приемы в глоттохронологии, реконструкция картины мира архаичной культуры, статистические модели описания динамики языковых процессов, ассоциативная лексикография и пр.), практически все подходы в той или иной мере объединяет высказанная Ю.Н. Карауловым при разработке тезауруса РЯЛ *идея о несводимости* КММ к ЯММ [10. С. 267—274], которая, как нам кажется, получает все большее осмысление и становится очевидной в современном контексте, особенно при попытках построения ИИ.

К признанию значимости концепции ЯЛ в качестве интегрирующего фактора в решении фундаментальных проблем соотношения языка и мышления нас во многом подводит логика рассмотрения вопроса в разные периоды истории отечественной науки. Вспомним леонтьевское «Язык — не демиург значений», идею о том, что без чувственной ткани нет и мыслительного процесса [11. С. 100]; выделение Л.С. Выготским значений в качестве единиц научного анализа сознания и дальнейшее исследование соотношений лингвистического и психологического в ходе теоретической разработки проблемы

«движения значений» вместе с другими аспектами человекообразования в теории речевой деятельности [12. С. 476; 11. С. 100—104]. Фактический вынос проблемы соотношения языка и мышления (достижения понимания, как разрешения противоречий между КММ и ЯММ) за пределы аспектирующей концепции системно-структурной модели языка, поиск ее решения не в системе языка, а в речевой деятельности с открытием универсального предметного кода (УПК) Н.И. Жинкиным [13]. Развитие аналогичных положений в концепции психолингвистики текста у А.И. Новикова, в чьих работах также утверждается положение о том, что противоречия смыслопорождения и смысловосприятия снимаются в общении (коммуникация рассматривается как момент понимания) [14]. Немалую роль сыграли выполненные в развитие теоретических положений Л.С. Выготского и А.Р. Лурии нейролингвистические исследования афазий с последующим обоснованием моделей порождения речи А.А. Леонтьева—Рябовой: 1967—2005 [15. С. 395—416]. Из относительно недавних когнитивных разработок следует выделить предложенные А.Д. Кошелевым модели онтогенеза базисных понятий, по сути, эксплицирующих один из аспектов работы УПК [16; 17]. В них предметно-двигательные сенсорные концепты исследуются как основа развития ЯЛ. Наконец, концепция РЯЛ Ю.Н. Караулова [9] с обоснованием несводимости КММ к языковой, открытие им ассоциативной грамматики [18], апробация теоретической модели в масштабе ассоциативного тезауруса [1]. Само создание такой модели есть *экспликация факта существования РЯЛ* как нелинейно организованной стохастической системы через выявление и измерение ее основных ассоциативных параметров, моделирование гиперсетевой организации ее узлов и многомерных связей. Последнее активировало усилия психолингвистического сообщества по созданию широкой *эмпирической базы* для построения *динамических сетевых моделей*, открывающих перспективу решения различных прикладных задач.

Следует отметить, что упомянутые психолингвистические разработки проводились параллельно с подходами, утверждавшимися на доминировавшей до последнего времени модели языка как внешнего объекта, где сознание (мышление) и язык рассматривались преимущественно как абстрактные компоненты в рамках дихотомии при попытках определить направленность детерминирующих отношений в ту или иную сторону без возможности опереться на достаточную доказательную базу с отчуждением этих сущностей от их материального носителя. Это порождало противоречия интерпретаций: абстракция сама по себе не мыслит. Мыслит человек. Феномен ЯЛ заставляет нас задуматься о невозможности реализации сознательных процессов вне носителя, с одной стороны. С другой стороны — об ущербности интерпретации отношений между языком и сознанием (мышлением) как онтологически абстрактными сущностями. При последовательно одностороннем, абстрагирующемся от субъекта-носителя подходе гносеологическое имеет тенденцию подменять собою онтологическое.

В концепции ЯЛ преодолевается это отчуждение. Ее понятийный аппарат определен достаточно внятно в своих границах, чтобы быть приложимым к междисциплинарной оценке гипотез о закономерных связях языковых и когнитивных процессов, которые выявляются разными науками о человеке и не могут оставаться неучтенными в лингвистике. Так, концепция ЯЛ позволяет должным образом оценить важность нейрофизиологического подхода, не предписывая ему самодостаточности (для широких теоретических интерпретаций в лингвистике), избегая тем самым ставшего заметным в последние десятилетия редуccionизма психологического к нейрофизиологическому. ЯЛ имплицитно за отраженной в нейрофизиологическом субстрате работой анализаторов доказанную в разнообразных экспериментах связь с психокогнитивным аспектом, ответственным за вербально-смысловое управление работой анализаторов (см., например, многочисленные эксперименты, описанные в монографии: [5]).

Сетевые модели как основа для междисциплинарного исследования ЯЛ

Сетевые модели широко используются в нейрокогнитивных исследованиях. В этой связи рассмотрим некоторые значимые для общей теории языка постановки проблем, поиск решения которых активно ведется в нейрокогнитивистике на экспериментальной основе с применением новых технологий и инструментов. Наблюдая за дискуссиями в этой области и рефлексией ученых по поводу методологии и качества достижимых с ее помощью результатов, нельзя не отметить, что специалистами признается не только *революционность* используемых в настоящее время технологий для понимания работы мозга, но и невозможность по ряду направлений игнорировать полученные этими отраслями результаты при построении общей теории языка [19]. Речь идет о таких методах, как *визуализация* изменений гемодинамической, электрофизиологической и нейроанатомической мозговой активности или структуры в связи с речевой деятельностью, *стимуляции* мозговой активности, вызывающей изменения в характере речевой деятельности; возможности взаимодополняющих методик, опоры на несколько методов сразу при изучении функционирования одного и того же явления на фоне комплекса воздействующих факторов. По мнению авторов исследований, *нейронаучные методы*, которые используются в изучении устной речи, во все возрастающей степени становятся *способны накладывать ограничения на теоретические выкладки ученых* и давать фактическую информацию для подготовки единой когнитивной и нейронаучной теории понимания устной речи [19. Р. 806].

Однако, при всей революционности применяемого технологического инструментария, по мере накопления опыта его применения становится очевидной и возрастающей трудность в осмыслении полученных результатов и со стороны представителей нейрокогнитивных наук, и тем более со стороны

филологов (лингвистов), которым предстоит оценить новизну, доказательную базу и целесообразность использования новой фактологии в построении модели языка. Мозаичность и противоречивость результатов во многом обусловлена старой проблемой сведения психокогнитивного к нейрофизиологическому субстрату. Кроме того, как отмечает Т.В. Ахутина, еще в начальном периоде развития нейролингвистики было очевидно, что, когда языковеды пытаются в качестве обоснования своих гипотез при построении теории языка использовать данные, полученные при изучении речевой патологии (а многие исследования проводятся именно с таким материалом), им следует проявлять особую осторожность из-за высокой вероятности *амбивалентности* выводов, поскольку «проявления афазии настолько сложны и многообразны, что могут дать повод к самым различным истолкованиям» [15. С. 33], порой, как утверждает автор, совершенно противоположным. Поэтому «Первоочередным условием такого использования является наличие научного лингвистического описания выделяемых нейропсихологией видов афазий. Не отдельные заметки о распаде фонологической системы, грамматики или лексики у афатиков вообще, а детальное изучение принципиально различных вариантов афазии, построение соответствующей отрасли знаний — нейролингвистики — только и может стать основой для каких-то выводов, переносимых в общую теорию языка» [15. С. 33]. Иначе говоря, речь шла о систематизации и упорядочении знаний внутри отрасли как этапе, предшествующем их широкому применению в общей теории языка. При всей революционности инструментария, дающего доступ к разным аспектам функционирования мозга человека, *противоречивость*, связанная не только со спецификой данных патологии речи, но и с другими нейрокогнитивными подходами, привлекающими для изучения вербальные материалы, сохраняется. Говоря о «выдвинутом А.А. Леонтьевым принципе эвристичности речевых процессов», который подразумевает «возможность выбора различных путей порождения или восприятия высказывания», Т.В. Ахутина трактует его как причину подтверждения экспериментами разных, в том числе «заведомо противоречащих друг другу моделей» [15. С. 396—397]. Многое, как нам представляется, решает и сама постановка проблем, предопределяя результат экспериментов.

Сохранятся необходимость поиска общей для разных отраслей, занятых изучением отдельных аспектов всех ипостасей языка, понятийно-категориальной платформы при идентификации единиц смысла, процессов смыслообразования (смыслоутратности) и их соотношения с функциональными системами мозга при учете возможности общего субстрата для разных функций. Это прежде всего относится к *моделям значений вербальных единиц*, применяемым в нейрокогнитивных экспериментах: берется ли за точку отсчета *лингвистическое значение* как чистый оператор (историко-культурный артефакт) вне личности его носителя, или исходным пунктом для интерпретации результатов служит порожденное языковой личностью *психологическое значение* (психокогнитивный артефакт). Отсюда активация дискуссий о

мультиmodalности и воплощенности, во многом, как нам представляется, свидетельствующих о том, что при анализе соотношений слов и иных носителей значений с функциональными нейрофизиологическими картами мозга мозг реагирует на смысл, а *смысл есть продукт психокогнитивной активности ЯЛ человека*, несводимый к лексикографически зафиксированному лингвистикой значению слова.

Назовем некоторые из дискутируемых значимых для общей теории языка вопросов и положений, представленных в многочисленных исследованиях нейрофизиологического и когнитивного направлений (из множества разных работ, зачастую решающих очень конкретные частные задачи, не всегда поддающиеся систематизации³, мы выбрали несколько, как нам представляется, показательных для *оценки роли видоспецифичных универсалий человека*): различные аспекты работы мозга при обработке многозначных вербальных единиц, в частности имеющие свою историю в отечественной (психо)лингвистике исследования соотношений многозначности и омонимии [15], восприятие (обработка) первичного, буквального значения слова и вторичных метонимических и метафорических значений⁴, восприятие мозгом различных классов объектов и действий, их вербальных репрезентаций, в том числе разных в своей сложности семантических категорий слов [22], различия в обработке конкретных и абстрактных существительных [23].

В зарубежной практике особенно популярны работы, посвященные попыткам найти экспериментальное обоснование когнитивной метафоре: в рамках теорий воплощенной когниции экспериментально проверяются положения о сенсомоторной основе когнитивной метафоры, в том числе и в связи с репрезентацией многозначности [24; 25]. Поскольку *сенсомоторный субстрат* предполагается как *эволюционно более ранний феномен по отношению к языковой способности*, он и привлекает особое внимание не только для обоснования когнитивной метафоры и разных аспектов метафорического мышления как такового, но и для решения других фундаментальных [26; 24] и частных задач, в том числе и оценки воздействия коммуникативно-прагматических параметров ситуации при отсутствии прямых вербальных стимулов, ассоциирующихся с активацией моторных сети [27]. Особенно значимы для нашего обзора работы, в которых ставятся задачи изучения *зависимости результатов экспериментов от характера предъявляемых*

³ Более подробное рассмотрение основных положений названных здесь (и иных) работ по нейрокогнитивному направлению читатель найдет в [20].

⁴ Например, в статье [21] утверждаются положения о том, что в экспериментах проявились разные механизмы восприятия и обработки мозгом многозначных и омонимичных слов; причем отношения между буквальным и метонимическим значениями полисеманта настолько близки, что для них предполагается единый субстрат в ментальном лексиконе испытуемого, в то время как отношения между буквальным и метафорическими значениями полисеманта значимо отличаются от метонимических настолько, что приближаются к экспериментально установленным для омонимов.

стимулов (вербальных и невербальных, разных видов вербальных, как конкретные и абстрактные существительные, имена действий и иных реалий, разные семантические группы вербальных стимулов, многозначные слова в различных своих значениях), в особенности в зависимости от вербальной установки, идущей от экспериментатора (об этом специально: [5]).

Подводя некоторые итоги нашему краткому экскурсу в рассмотрение решаемых преимущественно на сетевых моделях нейрокогнитивных задач, в значительной мере опираясь и на наш собственный опыт работы с экспериментальными материалами на модели АВС, в контексте дискуссий, возникающих в этом поле пересечения интересов разных наук, хотелось бы привлечь особое внимание к вопросу: на что в норме реагирует наш мозг (наши нейроны) в естественных условиях вербальной коммуникации? Этот вопрос напрямую обращен к ЯЛ, к ее интенциональности, встрече ее коммуникативно-когнитивных потребностей с воздействующими на нее объектами и субъектами. *Мозг реагирует на смысл*, а не просто на вербальные оболочки слов с их лингвистическими (словарными) значениями. Но откуда и как извлекается смысл? *Смысл* извлекается ЯЛ из *всего комплекса входящих сигналов* и перетекает в слово (ассоциирует его с собой, воплощается в нем). Современные нейрокогнитивные исследования вновь и вновь дают убедительные свидетельства в пользу развивающегося в отечественной психолингвистике положения, которое присваивает лингвистическому значению статус оператора смыслопорождения, ни в коей мере не уравнивая его с психическим значением. Это отражается в многомерности (многонаправленности) и мультимодальности глубинных смысловых связей слова во внутреннем лексиконе, только частично схваченных в линейных поверхностных структурах. Таким образом, через концепцию ЯЛ формируются необходимые условия для интеграции нейрофизиологического и психокогнитивного факторов, ибо ЯЛ управляет работой всех систем, выстраивая их на смысловой основе своей интенциональности. *Мозг реагирует на смысл через ЯЛ и благодаря ей.*

Сходные с характерными для нейронаук и лингвистики проблемы господства аспектирующих и атомистических по масштабу постановки и решения задач подходов наблюдаются и в методологии современной психологической науки. Это отмечают, например, исследователи, систематизирующие достижения зарубежной психологии последних лет, они также констатируют *отсутствие единой синтезирующей теории*. Примечательно, что авторы видят возможную перспективу выхода из сложившегося положения в *перемещении предмета психологического исследования во внутренний мир человека*: «В зарубежной психологии отсутствует широкая трактовка предмета как совокупного, позволяющего перенести объяснение (в том числе и причинно-следственное) внутрь предмета. Предложенные объяснительные модели при таком узком подходе неизбежно приобретают характер частных. Попытки отразить реальную сложность объяснения и неудовлетворенность частными моделями ни к чему, кроме эклектического соединения элементов различных

объяснительных моделей, привести не может. Как нам представляется, большие перспективы на успех имеют подходы к объяснению, исходящие из общей трактовки предмета психологии и переносящие объяснение внутрь предмета, трактуемого как внутренний мир человека» [28. С. 407—408].

Интеграция внешнего и внутреннего аспектов рассмотрения ипостасей языка в лингвистике является междисциплинарной задачей. Для учета открытых в разных науках о человеке закономерностей, связанных с лингвистическими объектами, в идеале необходима первичная систематизация данных в находящейся, по нашим оценкам, в доинтеграционной стадии нейрокогнитивной отрасли, а также психологической науке, с последующей межотраслевой интеграцией на взаимодополняющей основе⁵.

Смысловые акцентуации языковой личности как отражение ее интенциональности

Этнокультурная и социокоммуникативная детерминация процессов формирования личности как закономерность, опирающаяся на доказательную базу разных наук о человеке, требует обращения к вопросам целостности и системности внутреннего мира этнокультурных сообществ при изучении феномена ЯЛ, особенно в историко-типологическом аспекте. Сложность этого явления обусловлена множеством факторов и заслуживает особого рассмотрения на основе синтеза данных этнологии, антропологии и культурологии, где, впрочем, наблюдаются аналогичные проблемы, что и в лингвистических и нейрокогнитивных отраслях. В этих условиях мы посчитали необходимым ввести некоторые уточнения для понятийного аппарата при исследовании РЯЛ на модели АВС, через постановку вопроса об *интенциональности языковой личности* в ее конкретном лингвокультурном воплощении [29]. Это понятие находится в одном ряду с *интенциональной личностью*, комплексом *установок* в культуре, ее *интенциональным миром* и опирается на разработки этнологов и антропологов, исследующих активацию связей личности со смысловым полем культуры.⁶ Так, С.В. Лурье исходит из психодинамического рассмотрения

⁵ Для решения таких задач нужны специально организованные профессиональными сообществами при поддержке государства систематизирующие усилия по отбору и накоплению подлинно научно значимых результатов с установкой на движение от мелкого и частного к общему. Существующие так называемые «мировые» глобализаторские практики управления научными публикациями, сопровождающие проведенные в РФ западные реформы образования и науки, обезличивают гуманитарную науку, и не способны должным образом распорядиться национальным научным гуманитарным наследием, сформированным в разных культурных традициях, часто обслуживающих внутренние гуманитарные потребности создавших их культурных (цивилизационных) сообществ. Особенно разрушительным становится бессмысленное административное принуждение к вытеснению русского языка из научного гуманитарного дискурса российской цивилизации, лишаящее ее возможности подлинного внутреннего диалога в рамках единого смыслового поля культуры.

⁶ См. критический обзор литературы и постановку проблемы интенциональной личности в психокогнитивном и динамическом ключе у [30].

культуры как системы значений, которые могут провоцировать деятельность и сами возникают в процессе деятельности при сложном взаимодействии индивидов с фиксацией комплекса установок, способствующих формированию личности определенного направления. «Установка является связью между личностью и культурным полем и помогает понять, как эта связь происходит» [30. С. 159]. С.В. Лурье развивает положение о «культурных комплексах, осуществляющих процесс репрезентации (одновременного включения в человеческую психику „значимой системы“ и установок по отношению к ней), т.е. о культурных константах» [30. С. 160].

Комплекс культурных констант (интериоризированный культурный сценарий), создает каркас интенционального мира. Последний трактуется С.В. Лурье как *целостный и внелогичный*, а потому *внутренне конфликтный* адаптационный механизм, побуждающий человека к действию. Система культурных констант представляет собой динамическую модель взаимодействующих образов, «внутри которой человек и строит свое поведение». Имея базовый комплекс фиксированных установок, «интенциональная личность достаточно устойчива. ...Точно так же интенциональный мир (мир, созданный культурой) достаточно устойчив, но способен меняться в ответ на изменение внешнего окружения или изменений, происходящих в интенциональных личностях, его окружающих. Но все эти изменения происходят в рамках основного культурного сценария, являющегося скелетом, на котором построено интенциональное общество»⁷ [30. С. 162].

Представляется вполне правомерной экстраполяция понятия интенциональности на диалог ЯЛ с вербально-смысловым полем сформировавшей ее культуры, поскольку и сама ЯЛ, и ее язык являются частью этой культуры, а социокоммуникативные сценарии — частью основного культурного сценария, характерного для рассматриваемого интенционального общества. Можно предположить, что *интенциональность ЯЛ* проявляет определенную *устойчивость*, формируя комплекс (иерархию) социо-коммуникативных установок на использование вербальных единиц в той или иной (характерной для исследуемой вербальной культуры) конфигурации, отраженной в АВС.

Наряду с утвердившимся в исследовании схематизации интенционального мира понятиями образа и концепта, в психодинамическом аспекте целесообразно рассматривать *смысловые акцентуации* как единицы анализа интенциональности ЯЛ, воплощающие в себе ее социо-коммуникативные установки, поддающиеся статистическому анализу. Внешними маркерами смысловых акцентуаций выступают *психоглоссы*. Развитие приемов психоглоссирования АВС позволит выводить соотносимые количественные параметры

⁷ Ср. с понятиями the shared intersubjective space «общее между субъектное пространство», we-centric space, we-ness «МЫ-центричное» пространство, embodied simulation «воплощенная имитативность», развиваемые в работах В. Галезе [31; 32] в контексте дискуссий о зеркальных нейронах; shared intentionality «совместная интенциональность» как качественное отличие коммуникации человека от приматов в [33].

при измерении и сопоставлении разновеликих по объему ассоциативно-вербальных данных на основе доминантности их содержательно-смысловой организации, когда возникает такая задача⁸.

Метод статистического упорядочения лексики на АВС эксплицирует смысловые акцентуаций, сформированные социокоммуникативной интенциональностью языковой личности. Опираясь на концепцию ЯЛ Ю.Н. Караулова, он имеет ряд преимуществ. Главное, о чем мы уже многократно писали — социокоммуникативные установки отличает *направленность*, отраженная в АВС как результат достигнутой естественным образом у РЯЛ испытуемых сбалансированности ЯММ и КММ в ходе социализации, что делает возможным изучение динамики *психически актуальных личностных смыслов, сопряженных с установками культуры*.

При наличии больших ассоциативно-вербальных баз данных становится возможной своего рода психолингвистическая диагностика социокоммуникативного статуса вербальных узлов, представляющих имплицитный каркас смыслового поля культуры. Обратимся к вопросу психолингвистической диагностики общей направленности «усредненной» РЯЛ.

Параметры русской языковой личности на модели АВС

Языковая личность как универсалия, которая воплощается только в конкретных национально-культурных вариантах, характеризуется *определенной устойчивостью своих историко-этнокультурных параметров*. На модели АВС это проявляется в статистической упорядоченности относительно стабильно активирующихся групп (звеньев) вербальных узлов (единиц ядра языкового сознания, ассоциативных доминант), которые в совокупности дают нам представление о *статистических границах содержательно-смысловых флуктуаций контуров РЯЛ как целостной ассоциативно-вербальной модели*. Опираясь на эти экспериментально выявленные параметры (контурные акцентуаций), лингвисты могут ставить новые проблемы и находить пути их решения с использованием разных филологических и заимствованных из других дисциплин методов и приемов анализа и интерпретации функциональной специфики акцентуаций РЯЛ. Параметры РЯЛ по материалам русского ассоциативного тезауруса РАС были представлены в работах Н.В. Уфимцевой [35. С. 47—49]. Собранные за последние десятилетия материалы на основе серии массовых ассоциативных экспериментов в разных регионах РФ постепенно формируют и расширяют общую эмпирическую базу для построения динамических моделей, способных раскрыть характер, статистический

⁸ В ограниченном формате данной статьи этот вопрос не раскрывается. О приемах психоглоссирования и области их применения см. более подробно [34]. Читатель также может обратиться к обучающему Приложению в электронной базе СИБАС [36] и самостоятельно с его помощью провести зонирование и психоглоссирование ассоциативных полей интересующих его единиц основного корпуса и подкорпусов СИБАС.

диапазон и направленность (если таковая будет выявляться) содержательно-смысловых флуктуаций РЯЛ.

Сравнение распределенных по базовым параметрам ассоциативных доминант СИБАС1 (2008—2013) и СИБАС2 (2014—2020) (современная АВС — Сибирь и Дальний Восток)⁹ и единиц ядра языкового сознания РАС (данные АВС эпохи перестройки) в актуальной (три-четыре одновременно живущих поколения) диахронии (см. Таблица 1 ниже) свидетельствует о наличии флуктуаций в пределах определенного довольно устойчивого каркаса, причем колебания (от выпадения к возврату в прежний статистический коридор) активации одних и тех же единиц могут иметь довольно заметный разброс по времени, что с большой долей вероятности предполагает динамику смысловых акцентуаций внутри ассоциативных полей соответствующих вербальных единиц. Последнее требует специального рассмотрения вне рамок данной статьи (см. сноску 8 выше).

Наблюдая за распределением выявленных в разные периоды времени ассоциативных доминант, можно зафиксировать рост рейтинга одних единиц (как Я, РАБОТА, СМЕРТЬ) по отношению к другим единицам соответствующего списка, или падение (как у ДУРАК). Однако после соединения СИБАС 1 и СИБАС 2 в единый ресурс, статистически приближенный к тезаурусному формату РАС, скорее всего, сходство в соотношении позиций единиц списка РАС и единого СИБАС возрастет. Уже сейчас наибольшую стабильность демонстрируют параметры оценок и качеств. При этом во всех типах параметров наблюдаем тенденцию к сохранению большей устойчивости у единиц, имеющих наибольшее количество разных входящих связей. Здесь, вероятно, играет роль и второй статистический показатель функционирования ассоциативных доминант — интенсивность исходящих связей (учитывается частота встречаемости одной и той же реакции), в том числе и их связей друг с другом. Чем больше стимулов вызывает реакцию конкретным словом, тем больше связей у этого слова, тем сильнее его укорененность в сети, тем выше вероятность появления частотных (многократно повторяющихся в разнообразных смысловых конфигурациях) связей, в том числе и с другими доминантами сети.

⁹ СИБАС — Русская региональная база данных, содержащая вербальные ассоциаты носителей русского языка в азиатских регионах России [36]. В СИБАС1 содержатся данные из более чем 5000 анкет (по 100 стимулов в каждой), сгенерированных из 1000 стимулов и собранных в период с 2008 по 2013 год в азиатских регионах РФ. Пополняющийся ресурс СИБАС 2, отражающий второй этап эксперимента в этих регионах, пока не открыт для широкого пользователя. Однако в настоящее время СИБАС 2 уже соизмерим по объему представленной информации (также более 5000 анкет по 100 стимулов в каждой, материалы получены в период с 2014 по 2020 год на стимулах, бывших реакциями первого этапа). Общий объем ассоциатов в обеих частях СИБАС в настоящее время (еще до начала третьего этапа эксперимента в азиатских вузах страны) уже составляет свыше 1 млн словоупотреблений, что, по расчетам Ю.Н. Караулова [18. С. 146], достаточно для формирования ассоциативного тезауруса.

Таблица 1
Table 1**Параметры русской языковой личности: персоналии и реалии
(сравнение ассоциативных доминант СИБАС1 и СИБАС2 с единицами ядра
языкового сознания РАС)¹⁰****Dimensions of the Russian Language Personality: Personalities and Realia
(comparison of the SIBAS 1 and SIBAS 2 associative dominants with the core units
of the Russian language consciousness from RAS)**

Персоналии			Реалии		
РАС 1988—1997	СИБАС 1 2008—2013	СИБАС2 2014—2020	РАС 1988—1997	СИБАС1 2008—2013	СИБАС2 2014—2020
человек	человек	человек	дом	жизнь	жизнь
друг	друг	я	жизнь	дом	дом
дурак	я	друг	деньги	деньги	деньги
мужчина	мужчина	парень	лес	мир	работа
ребенок	ребенок	мужчина	день	время	боль
парень	парень	девушка	любовь	работа	любовь
я	враг	ребенок	работа	любовь	смерть
женщина	дурак	мама	вода	сила	страх
мальчик	мужик	женщина	радость	радость	радость
девушка	девушка	дурак	дело	смерть	еда
мужик	мальчик	мальчик	смерть	зло	счастье
муж		студент	стол	день	время
он		враг	дорога	город	мир
		молодец	мир	счастье	сила

¹⁰ Данные РАС приводятся по [35. С. 47—49]. В таблице мы придерживаемся рубрикации, предложенной Н.В. Уфимцевой, чтобы соблюсти условия сопоставимости данных. Слова расположены в столбцах в порядке, отражающем снижение их статистической весомости в общем списке ассоциативных доминант. Статистическая весомость исчисляется в соответствии с экстенсивностью (разветвленностью) входящих связей (количество стимулов, вызвавших реакции приведенными в списках словами). Например, у слова ЧЕЛОВЕК (верхнее в списке) в СИБАС 1 этот показатель составляет 450, а у МАЛЬЧИК (нижний уровень) — 100. Единицы ниже этого уровня экстенсивности входящих связей нами не включались в число ассоциативных доминант СИБАС 1.

Таблица 2
Table 2**Параметры русской языковой личности: оценки, действия и качества
(сравнение ассоциативных доминант СИБАС1 и СИБАС2 с единицами ядра
языкового сознания РАС)****Dimensions of the Russian Language Personality: Assessments, Actions, and Qualities
(comparison of the SIBAS 1 and SIBAS 2 associative dominants with the core units
of the Russian language consciousness from RAS)**

Оценки и действия			Качества		
РАС 1988—1997	СИБАС1 2008—2013	СИБАС2 2014-2020	РАС 1988—1997	СИБАС1 2008—2013	СИБАС2 2014—2020
плохо	хорошо	плохо	большой	большой	большой
хорошо	плохо	хорошо	хороший	хороший	хороший
много	много	много	плохой	умный	плохой
быстро	всегда	всегда	старый	плохой	большая
всегда	быстро	быстро	умный	красивый	красивый
очень	долго	долго	сильный	большая	умный
		красиво	маленький		сильный
Действия					тупой
говорить	есть	есть			старый
есть	жить	жить			злой
жить		делать			маленький
думать		спать			глупый
идти		идти			добрый
		говорить			

Заключение

Рассмотрение методологической значимости концепции РЯЛ Ю.Н. Караулова как основания для теории, исходящей из единства внутреннего и внешнего ракурсов анализа языка, побуждает исследователя задать себе вопрос: откуда берется системность в языке? Что упорядочивает его единицы и формирует их? Констатировать факт системности в языке на чисто рациональной основе при выявлении регулярных причинно-следственных связей и зависимостей в ходе наблюдения за единицами языка в текстовом материале в отрыве от его создателя и носителя недостаточно для объяснения системы, во многом формирующейся на внелогической основе. Чем она инициирована?

Как и при каких условиях сформирована? Ответ на эти вопросы необходим для понимания ее базовых свойств и построения адекватной достигнутому уровню знаний модели ее описания. Внутри аспектирующей модели автономной структурно организованной системы языка найти исчерпывающие ответы на поставленные вопросы не представляется возможным. Язык в человеке не буквален, он наполнен опытом и смыслами человеческой личности, их системность может быть исторически и социокультурно унаследована, но преломляется в текущих социо-коммуникативных установках в актуальных сетевых процессах, требующих гибких механизмов интерпретации, выходящих за пределы жесткой рационально обоснованной детерминации. Заслуга Ю.Н. Караулова в том, что его разработка концепции ЯЛ создала необходимые условия для выработки интегрирующих подходов как внутриотраслевого, так и межотраслевого порядка.

Библиографический список

1. *РАС* — Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Сост. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. Т. II. От реакции к стимулу: более 100000 реакций. М.: Изд-во Астрель: Изд-во АСТ, 2002. Режим доступа: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 8.01.2021).
2. *Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [II Приглашение к диалогу] // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. Под общ. ред. А. Асмолова. М.: Изд. Дом ЯСК, 2019. С. 13—26.
3. *Леонтьев Д.А.* Неопределенность как центральная проблема психологии личности // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. 2-е изд. / под общ. ред. Александра Асмолова. М.: Изд. Дом ЯСК, 2019. С. 40—53.
4. *Леонтьев Д.А.* Экзистенциальный подход в современной психологии личности // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. 2-е изд. / под общ. ред. Александра Асмолова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 293—308.
5. *Чуприкова Н.И.* Время реакций человека: физиологические механизмы, вербально-смысловая регуляция, связь с интеллектом и свойствами нервной системы. М.: Изд. Дом ЯСК, 2019. (Разумное поведение и язык. *Language and Reasoning*).
6. *Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст // *Избранные труды*. М.: Гнозис, 2005.
7. *Кошелев А.Д.* Когнитивистика перед выбором: дальнейшее углубление противоречий или построение единой междисциплинарной парадигмы // *Фитч У.Т. Эволюция языка / пер. с англ., науч. ред. Е.Н. Панова; послесл. А.Д. Кошелева*. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 680—767.
8. *Зубкова Л.Г.* Эволюция представлений о Языке. М.: Языки славянской культуры, 2015. (*Studia Philologica*).
9. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
10. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография / отв. ред. С.Г. Бархударов. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
11. *Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл; КДУ. 2005.
12. *Выготский Л.С.* Мышление и речь: Сборник ст. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2008.
13. *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи // *Вопросы языкознания*. 1964. по 6. С. 26—38.

14. Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Ин-т языкознания РАН. 2007.
15. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
16. Кошелев А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
17. Кошелев А.Д. О генезисе мышления и языка: Генезис понятий и пропозиций. Аристотель и Хомский о языке. Влияние культуры на язык. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
18. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
19. Rodd Jennifer M., Matthew H. Davis. How to Study Spoken Language Understanding: a Survey of Neuroscientific Methods // Language, Cognition and Neuroscience. 2017. Vol. 32. no 7. P. 805—817. DOI: 10.1080/23273798.2017.1323110.
20. Шапошникова И.В. К разработке принципов построения курса междисциплинарной лингвистики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. no 4. С. 5—15. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-5-15.
21. Yurchenko A., Lopukhina A., Dragoy O. Metaphor is Between Metonymy and Homonymy: Evidence from Event-Related Potentials // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. article 2113. P. 1—12. doi: 10.3389/fpsyg.2020.02113.
22. Асланян Е.В., Киров В.Н., Лазуренко Д.М. Особенности восприятия понятий, относящихся к разным семантическим категориям // Журнал высшей нервной деятельности. 2018. Т. 68. no 5. С. 588—601. DOI: 10.1134/S0044467718050027.
23. Cousins Katheryn A.Q., Ash Sharon, Irwin David J., Grossman Murray. Dissociable substrates underlie the production of abstract and concrete nouns // Brain and Language. 2017. Vol. 165. P. 45—54.
24. Lakoff George: How Brains think: The Embodiment Hypothesis. 7 апреля 2015. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=WuUnMCq-ARQ> (дата обращения: 06.01.2021).
25. Lacey Simon, Stilla Randall, Deshpande Gopikrishna, Zhao Sinan, Stephens Careese, McCormick Kelly, Kemmerer David, K.Sathian. Engagement of the Left Extrastriate Body Area during Body-part Metaphor Comprehension // Brain and Language. 2017. Vol. 166. P. 1—18.
26. Arbib Michael A. The Mirror System Hypothesis on the Linkage of Action and Languages // Action to Language via the Mirror Neuron System. Cambridge University Press. 2006. P. 3—47.
27. van Ackeren Markus J, Casasanto Daniel, Bekkering Harold, Hagoort Peter, Rueschemeyer Shirley-Annet. Pragmatics in Action: Indirect Requests Engage Theory of Mind Areas and the Cortical Motor Network // Journal of Cognitive Neuroscience. 2012. Vol. 24. no 11. P. 2237—2247. DOI: 10.1162/jocn_a_00274.
28. Мазюлов В.А., Костригин А.А. Проблема научного объяснения в современной зарубежной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. no 3. С. 390—413. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-3-390-413.
29. Шапошникова И.В. Ипостаси вербальной культуры: универсальное в специфичном // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 199—215. DOI: 10.17223/18137083/70/16.
30. Лурье С.В. Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII. no 2. С. 152—167.
31. Gallese V. Mirror neurons and the social nature of language: The neural exploitation hypothesis // Social Neuroscience. 2008. Vol. 3. Issue 3—4. P. 317—333.
32. Gallese V. Mirror neurons, Embodied Simulation, and the Neural Basis of Social Identification // Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives. 2009. no 19(5). P. 519—536.
33. Tomasello M. Horizon. The ultra-social animal // European Journal of Social Psychology. 2014. Vol. 44. P. 187—194.

34. Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. Монография. (Studia Philologica).
35. Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем: Коллективная монография / Под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис. 2017. С. 21—96.
36. СИБАС 1 и СИБАС 2 — Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток — 2008—2020 / авт.-сост.: И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. Режим доступа: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 06.01.2021).

References

1. RAS (*Russian Associative Dictionary*) (2002). Ju.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, Ju.A. Sorokin, E.F. Tarasov (eds.). Vol. I. From stimulus to reaction: about 7000 stimuli. Vol. II. From reaction to stimulus: over 100000 reactions. Moscow: Astrel Publishing house: Publishing house AST. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed: 08.01.2021). (In Russ.).
2. Asmolov, A.G. (2019). Psychology of Changes: The Challenges of Uncertainty, Complexity, and Diversity [A Second Invitation to Dialogue] In *Mobilis in mobili: lichnost' v jepohu peremen* [Personality Psychology of Change], Aleksander Asmolov (Ed.) Moscow: LRC Publishing House. P. 13—26. (In Russ.).
3. Leont'ev, D.A. (2019). Uncertainty as the Key Issue of the Psychology of Personality In *Mobilis in mobili: lichnost' v jepohu peremen* [Personality Psychology of Change], Aleksander Asmolov (Ed.) Moscow: LRC Publishing House. pp. 40—53. (In Russ.).
4. Leont'ev, D.A. (2019). Existential Approach in Contemporary Personality Psychology In *Mobilis in mobili: lichnost' v jepohu peremen* [Personality Psychology of Change]. Aleksander Asmolov (Ed.) Moscow: LRC Publishing House. pp. 293—308. (In Russ.).
5. Chuprikova, N.I. (2019). Human reaction time: physiological mechanisms, verbal-semantic regulation, connection with intelligence and properties of the nervous system. Moscow: LRC Publishing House. (Language and Reasoning). (In Russ.).
6. Zalevskaja, A.A. (2005). Psycholinguistic Research. The Word. Text: Selected Works. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
7. Koshelev, A.D. (2013). Challenges Facing Cognitive Science: further deepening of contradictions or building a unified interdisciplinary paradigm In *W.T. Fitch. The Evolution of Language*, E.N. Panov (Transl., scientific ed.). Moscow: LRC Publishing House. pp. 680—767. (In Russ.).
8. Zubkova, L.G. (2015). *The Evolution of Ideas about Language*. Moscow: Languages of Slavic culture. (Studia Philologica). (In Russ.).
9. Karaulov, Yu.N. (1987; 2010). *The Russian Language and Language Personality*. Moscow: Nauka. Moscow: LKI Publishing House. (In Russ.).
10. Karaulov, Yu.N. (2010). *General and Russian Ideography*, S.G. Barkhudarov (Ed.). Moscow: LIBROKOM. (In Russ.).
11. Leont'ev, A.N. (2005). *Lectures on General Psychology*. Moscow: Smysl; KDU. (In Russ.).
12. Vygotskij, L.S. (2008). *Thinking and Speech*. Moscow: AST: AST, Hranitel'. (In Russ.).
13. Zhinkin, N.I. (1964). On Code Transitions in Inner Speech. *Issues of Linguistics*, 6, 26—38. (In Russ.).
14. Novikov, A.I. (2007). *Text and its Semantic Dominants*, N.V. Vasil'eva, N.M. Nesterova, N.P. Peshkova (eds.). Moscow: In-t jazykoznanija RAN. (In Russ.).
15. Ahutina, T.V. (2014). *Neuro-linguistic analysis of vocabulary, semantics, and pragmatics*. Moscow: LRC Publishing House. (Language and Reasoning). (In Russ.).
16. Koshelev, A.D. (2017). *Essays on the Evolutionary-synthetic Theory of Language*. Moscow: LRC Publishing House. (Language and Reasoning).

17. Koshelev, A.D. (2020). On the Genesis of Thought and Language. Moscow; Boston: Academic Studies Press; LRC Publishing House. (In Russ.).
18. Karaulov, Ju.N. (2010). *Associative Grammar of the Russian Language*. Moscow: Izd-vo LKI. (In Russ.).
19. Rodd, J.M. & Matthew, H.D. (2017). How to Study Spoken Language Understanding: a Survey of Neuroscientific Methods. *Language, Cognition and Neuroscience*, 32(7), 805—817. DOI: 10.1080/23273798.2017.1323110.
20. Shaposhnikova, I.V. (2020). On the Fundamental Principles of Building a Course in Interdisciplinary Linguistics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 18(4), 5—15. DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-4-5-15. (In Russ.).
21. Yurchenko, A., Lopukhina, A. & Dragoy, O. (2020). Metaphor is Between Metonymy and Homonymy: Evidence from Event-Related Potentials. *Frontiers in Psychology*, 11, 2113, 1—12. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.02113.
22. Aslanyan, E.V., Kirov, V.N. & Lazurenko, D.M. (2018). Specific Features of Perceiving Notions of Different Semantic Categories. *Journal of Higher Nervous Activity named after I.P. Pavlov*, 68(5), 588—601. DOI: 10.1134/S0044467718050027. (In Russ.).
23. Cousins, Katheryn A.Q., Ash, Sh., Irwin, David J., & Grossman, M. (2017). Dissociable substrates underlie the production of abstract and concrete nouns. *Brain and Language*, 165, 45—54. doi.org/10.1016/j.bandl.2016.11.003.
24. Lakoff, George (2015). How Brains think: The Embodiment Hypothesis. 7 апреля 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WuUnMCq-ARQ> (accessed: 08.01.2021).
25. Lacey, S., Stilla, R., Deshpande, G., Zhao, S., Stephens, Car., McCormick, K., Kemmerer, D., & K. Sathian. (2017). Engagement of the Left Extrastriate Body Area during Body-part Metaphor Comprehension. *Brain and Language*, 166, 1—18. Published by Elsevier Inc. URL: <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2016.11.004> (accessed: 08.01.2021).
26. Arbib, Michael A. (2006). The Mirror System Hypothesis on the Linkage of Action and Languages In *Action to Language via the Mirror Neuron System*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 3—47.
27. van Ackeren, Markus J., Casasanto, D., Bekkering, H., Hagoort, P., Rueschemeyer, Sh.-A. (2012). Pragmatics in Action: Indirect Requests Engage Theory of Mind Areas and the Cortical Motor Network. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 24(11), 2237—2247. URL: https://doi.org/10.1162/jocn_a_00274 (accessed: 08.01.2021).
28. Mazilov, V.A. & Kostigrin, A.A. (2020). The Problem of Scientific Explanation in Modern Foreign Psychology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economy*, 17(3), 390—413. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-3-390-413. (In Russ.).
29. Shaposhnikova, I.V. (2020). Embodiment Features of Verbal Culture: Universal Facets of the Specific. *Siberian Journal of Philology*, 1, 199—215. DOI: 10.17223/18137083/70/16. (In Russ.).
30. Lur'e, S.V. (2010). General Cultural Script and Functioning of Sociocultural systems. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XIII(2), 152—167. (In Russ.).
31. Gallese, V. (2008). Mirror Neurons and the Social Nature of Language: The Neural Exploitation Hypothesis. *Social Neuroscience*, 3(3—4), 317—333.
32. Gallese, V. (2009). Mirror Neurons, Embodied Simulation, and the Neural Basis of Social Identification. *Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives*, 19(5), 519—536.
33. Tomasello, M. (2014). Horizon. The Ultra-social Animal. *European Journal of Social Psychology*, 44, 187—194.
34. Shaposhnikova, I.V. (2020). *Modes of Identification of the Russian Language Personality in the Epoch of Changes*. Moscow: LRC Publishing House. (Studia Philologica). (In Russ.).
35. Ufimceva, N.V. (2017). Ethnopsycholinguistics as a Branch of the Theory of Speech Activity In Bubnova I.A., Zykova, I.V., Krasnyh, V.V. & Ufimceva, N.V. (*Neopsycholinguistics and*

(Psycho)-linguoculturology: New Sciences about Homo Loquens, V.V. Krasnyh (Ed.). Moscow: Gnozis. pp. 21—96. (In Russ.).

36. SIBAS (2008—2020) — SIBAS 1; SIBAS 2 — *Russian Regional Associative Database. Siberia and Far East* — 2008—2020, I.V. Shaposhnikova, A.A. Romanenko (Comps.). URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed: 06.01.2021). (In Russ.).

Сведения об авторе:

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН; *сфера научных интересов*: психолингвистика, общая теория языка, историческая типология, этносоциолингвистика, русский язык, германские языки i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>.

Information about the author:

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Chief Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; *research interests*: psycholinguistics, general linguistics, historical typology, ethnosociolinguistics, Russian and Germanic languages; i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>.